

Часы на башне Оролоджо пробили полночь.

В казино и увеселительных заведениях возле моста Риальто и на Славянской набережной жизнь еще кипела: нарядные слуги разносили вино и закуски, кавалеры в расшитых золотом камзолах и разноцветных масках делали огромные ставки и проигрывали целые состояния. Но стоило отойти от этих зланных мест, углубиться в темные переулки Дорсодуро или кварталы возле Фондаменто Нуово, и вы погружались в таинственную тьму и тишину венецианской ночи, изредка нарушаемую дробным стуком каблучков спешащей на свидание барышни в шелковой маске или плеском весла черной гондолы, скользящей по темной маслянистой глади канала.

Одна из таких гондол беззвучно подплыла к порогу темного палаццо. Высокий господин в черном плаще, треугольной шляпе и маске Бауты с длинным выступающим подбородком перешагнул с борта гондолы на мраморные ступени палаццо и постучал в дверь.

Дверь бесшумно отворилась, выглянул слуга в малиновой куртке, расшитой шнуром, быстро огляделся и отступил, пропуская ночного гостя. Тот опустил в протянутую ладонь золотую монету и спросил коротко:

— Здесь?

— Так точно-с! В кабинете!

Гость вошел в палатку, пересек сырой и холодный холм в осыпающихся росписях, поднялся по широкой лестнице на второй, жилой этаж. Впрочем, здесь тоже царило запустение — росписи стен выцвели и осыпались, ковры полуистлели, розоватые муранские стекла в окнах были почти непрозрачны от пыли и копоти.

Гость пересек несколько пустых комнат, подошел к очередной двери и распахнул ее.

Он оказался в богато обставленном кабинете.

В отличие от других помещений дворца здесь было чисто и почти уютно — если бы не сырой холод, с которым не мог сладить даже горящий в камине огонь. Холод был какой-то особенный, пронизывающий, какой бывает в кладбищенских склепах или мрачных подземных казематах старых тюрем.

По стенам кабинета стояли шкафы, заполненные старинными книгами и манускриптами, посреди красовался огромный глобус. В глубине находился массивный стол черного дерева, за которым сидел, склонившись, человек в черном камзоле и что-то писал в толстой книге.

— Вот я и нашел тебя! — проговорил гость и вытащил из-под полы плаща массивный пистолет с инкрустированной серебром рукояткой и шестигранным стволом.

— Ах, это вы, мой друг! — Хозяин кабинета — мужчина лет сорока, с узким лицом, темными, глубоко посаженными глазами и длинными обвислыми усами, касавшимися кружевного воротника, отложил перо, поднял голову и улыбнулся — но улыбка эта больше напоминала волчий оскал.

— Я тебе не друг! — Гость шагнул вперед и навел на него пистолет. — Ты знаешь, зачем я пришел.

— Ах, ну конечно! Из-за того маленького недоразумения там, в Трансильвании...

— Маленького недоразумения? Так ты называешь смерть моей сестры? Смерть — которая была больше чем смерть, потому что ты погубил не только плоть, но и ее бессмертную душу!

— Ах, оставь, братец! Лючия сама выбрала такую судьбу...

— Сама? После того, что ты с ней сделал?

— Да, она сама ее выбрала! Она предпочла унылому прозябанию вечную молодость, вечную красоту! Предпочла удивительную жизнь, которую я ей подарил...

— Вечную жизнь? Или вечную смерть?

— То, что вы называете смертью, — это второе рождение, к новой, лучшей жизни!

— Да? Вы никогда не видите солнечного света!

— Подумаешь, потеря! Мы видим свет куда более красивый — свет далеких звезд, чарующий и манящий...

— Ты сам не веришь в свои слова! И не пытайся заговорить меня — это у тебя не выйдет!

— Ах, хватит уже! Ты мне надоел! Зачем пришел?

— Разве не ясно? Затем, чтобы остановить тебя! Затем, чтобы покончить с тобой раз и навсегда!

— Ну так делай, что собрался! — Хозяин кабинета снова хищно усмехнулся.

— Думаешь, у меня ничего не выйдет?

— Ты сам это знаешь. Я уже умер, и умер давно — а мертвого убить невозможно.

— Посмотрим! — Гость взвел курок, направил ствол в грудь вислоусого, нажал спусковой крючок.

Пистолет изрыгнул пламя, раздался оглушительный грохот, наполнивший всю комнату.

Однако рука стрелка немного дрогнула, и пуля попала не в сердце, а в плечо усатого. В его камзоле появилось круглое отверстие, из которого потекло что-то густое и черное.

Раненый вскрикнул, худое лицо перекошилось, он удивленно взглянул на свою рану, потом на мстителя.

— А ты хитер... что это была за пуля?

— Ага, тебя проняло... Я уже убедился, что обычные пули тебе не страшны, и поговорил со знающими людьми. Мой пистолет был заряжен пулей из серебряной амальгамы, которую муранские мастера используют для своих зеркал. Если такая пуля попадет в твое сердце — ты умрешь, и умрешь уже навсегда!

Лицо вислоусого перекошилось от боли, однако он поднялся из-за стола и прохрипел:

— Ты сказал — если попадет... но твоя пуля не попала в сердце. Так что у тебя и на этот раз ничего не вышло. Пока ты будешь перезаряжать пистолет...

Несмотря на хвастливые нотки, голос злодея звучал сбивчиво, как будто ему с трудом давалось каждое слово.

— Первый раз я промахнулся, но не надейся, второй раз я буду стрелять точнее...

Человек в маске отбросил пистолет — и вытащил из-под плаща второй.

— Вот как... ты и вправду все предусмотрел.

— Все! — Мститель поднял руку с пистолетом и направил ее в грудь усатому.

— Ты умрешь, Влад Цепеш, и умрешь навсегда!

Но усатый собрался с силами, метнулся в сторону, пересек кабинет и распахнул маленькую дверцу возле камина.

Мститель бросился за ним и оказался в крохотном помещении без окон, со сводчатым потолком.

— Где же ты? — Он взглянул в темноту. — Вздумал поиграть со мной в прятки? Не надейся, из этого ничего не выйдет!

Глаза его постепенно привыкли к скудному освещению, но в комнате никого не было, Влад Цепеш словно сквозь землю провалился.

— Мерзкий упырь! На этот раз ты не сбежишь от меня! — Мститель обошел комнату, заглядывая во все углы. Он даже отодвинул от стены тяжелый сундук, поднял его крышку и заглянул внутрь — но врага нигде не было.

Он в растерянности остановился посреди комнаты и еще раз огляделся. Внезапно у него за спиной раздался шелестящий, вкрадчивый шепот, похожий на шорох осенних листьев:

— Ищи, ищи лучше! Я здесь!

Мститель резко развернулся, вскинул пистолет.

За спиной никого не было. Только зеркало висело на стене. Большое овальное зеркало в резной черной раме — черные ветви сплетались в удивительный узор, черные листья, казалось, трепетали под дыханием неощутимого ветра.

Мститель подошел к зеркалу, заглянул в него и увидел свое собственное лицо — а что же еще можно увидеть в зеркале?

Но вокруг лица клубилась багровая, живая тьма, в которой то и дело мелькали какие-то другие лица — мужские и женские, они показывались на мгновение и тут же исчезали, растворяясь в клубящейся тьме. Он увидел — или это ему только показалось? — старого барона фон Ауэ, страшная смерть которого потрясла всю страну... и бесследно исчезнувшую посреди бала госпожу Эстергази... и еще десятки лиц, знакомых и незнакомых... а потом... потом он увидел Лючию... лицо ее мелькнуло на мгновение и тут же исчезло...

Вдруг лицо самого мстителя в зеркале стало неуловимо меняться. Щеки втянулись и побледнели, глаза сошлись ближе

и потемнели, в них появилось злобное выражение, волосы удлинились, а над верхней губой появились обвислые усы...

Мститель в ужасе попятился.

Из зеркала на него смотрело чужое, ненавистное лицо — лицо его злейшего врага, Влада Цепеша, которого подданные за глаза называли Дракулой.

Надежда Николаевна в очередной раз свернула по извилистой кладбищенской дорожке, обошла печального мраморного ангела с опущенным факелом в руке, миновала покосившийся каменный крест, на котором были выбиты давние даты чьей-то жизни, и прибавила шагу. Ей было неуютно и, как ни стыдно в этом признаваться самой себе, даже страшновато на безлюдном кладбище. Не оставяло чувство, что кто-то, пристально и недобро глядя ей в спину, крадется среди заброшенных могил. Скорее бы уже выйти с этого кладбища, оказаться на людях...

Надежда загляделась на очередную старую могилу, а точнее на возвышавшийся на ней памятник, споткнулась и заметила, что на левой кроссовке развязался шнурок. Чертыхнувшись, она опустила на колено, завязала злополучный шнурок и хотела уже подняться... но тут увидела мужчину с мобильным телефоном в руке, который стоял неподалеку, за кустом боярышника, возле одной из могил.

И она его узнала. Это был мужчина из семейной пары, которую Надежда приняла за Муськиных знакомых.

Здесь, пожалуй, следует сделать отступление и объяснить, кто такая Надежда Николаевна, как она оказалась среди белого дня на полузаброшенном кладбище и что ее связывает с некой Муськой.

Надежда Николаевна Лебедева — интеллигентная женщина, скажем так, среднего возраста — значительную часть своей жизни проработала в научно-исследовательском институте, новдругоказалась домашней хозяйкой. Вернее, слово «вдруг» в данном случае не совсем уместно, поскольку институт довольно долгое время еле-еле держался на плаву, пока наконец не случилась катастрофа. Директора НИИ ушли на пенсию, и на его место явился новый руководитель, молодой и энергичный, который начал свою деятельность с того, что уволил едва не половину сотрудников. Прежде всего он избавился от лентяев и неумех, так что оставшиеся сотрудники его одобрили. Но оказалось, что они рано радовались, потому что следом отправились и остальные. В общем, такая тягомотина тянулась года полтора, в результате чего от сотрудников института осталась одна четверть, а отдел, в котором Надежда Николаевна проработала больше двадцати лет, полностью сократили. Нельзя сказать, что Надежда сильно расстроилась, как уже говорилось, дело к тому давно шло. А вот ее муж, Сан Саныч, просто до неприличия обрадовался. Он сам много работал, был очень занят, по-

этому только приветствовал, что теперь дома его будут ждать довольная, ухоженная жена и вкусный ужин.

Надежда даже обиделась — выходит, она раньше вообще, что ли, не готовила? Но потом согласилась, что ее долг — заботиться о муже, к тому же у нее будет больше свободного времени, которое можно потратить на себя, любимую. И то сказать, дочка Надежды с мужем и внучкой уже давно жили в далеком северном городе, приезжали в Петербург редко и вообще управлялись со всем самостоятельно.

Поэтому Надежда Николаевна смело и радостно вступила в новую жизнь, но радость померкла через пару недель. Оказалось, что ей совершенно неинтересен образ жизни обеспеченных, ничем не занятых женщин. Нет, разумеется, раз в месяц Надежда посещала салон красоты, записалась в бассейн, но вот дальше... Визиты в косметологические клиники и фитнес-центры как-то не слишком ее привлекали. Ну вот такой уж она человек. Конечно, можно было записаться в какой-нибудь клуб по интересам, тем более что в Интернете имелось много объявлений. Но опять-таки не любила Надежда Николаевна вышивать крестиком, вязать, шить лоскутные одеяла и ходить в пешие походы. Кроме того, она привыкла, что голова должна быть всегда занята, причем не мыслями, что приготовить мужу на обед, а чем-то посерьезнее.

Однако самое неприятное заключалось в том, что у всех ее друзей и знакомых тут же нашлась для Надежды куча разнообразных дел и поручений. Просьбы шли под девизом: «Ты все равно дома сидишь, так...» Короче, свободного времени стало еще меньше, забот больше, и иными днями она уставала к вечеру хуже, чем на работе, а удовлетворения никакого.

Со временем как-то все устаканилось, утряслось, тем более что у Надежды Николаевны появилось весьма специфическое хобби. Но о нем позже.

В конце августа у Надежды образовалось действительно свободное время, поскольку они с мужем собирались провести недельку на даче, но его неожиданно (как и всегда, впрочем) выдернули в командировку. Надежда, разумеется, была недовольна, но делать нечего. Так что она осталась как бы в вакууме, поскольку заранее предупредила всех знакомых, что уезжает.

Собственно говоря, она могла бы уехать на дачу к матери, чтобы помочь там по хозяйству. Мать у Надежды была хоть и немолода, но бодра духом и относительно крепка телом, а самое главное — ужасно упряма. Она ни за что не хотела сокращать посадки в огороде, да и в саду к осени было работы полно. К тому же еще один член семьи (главный и самый любимый Сан Санычем, как в сердцах говорила иногда Надежда) рыжий пушистый котяра Бейсик в это время находился на даче, и муж,

уезжая, взял с Надежды слово, что она тотчас его навестит.

В общем, Надежда Николаевна так и собиралась сделать, но тут возникла одна большая, можно даже сказать, огромная проблема. Как уже говорилось, мать у Надежды была женщиной самостоятельной и на все имела свое собственное мнение. Так, она не то чтобы не доверяла врачам, но в районную поликлинику почему зря ходить не любила. Но и будучи женщиной грамотной, с высшим образованием, не слишком доверяла всяким новомодным биологическим добавкам и различным сомнительным устройствам, которые упорно рекламируют в Интернете. Пользовалась она проверенными временем народными средствами: малиновое варенье — при простуде, тысячелистник — чтобы кровь на царапине остановить, черника сушеная — от расстройства желудка, и так далее.

Однако была у нее, как сейчас выражаются, одна фишка. Прибор «Биофон», разработанный серьезным научным объединением и испускавший какие-то особенные электромагнитные волны, которые, как считала мать, помогают если не от всех существующих болезней, то от многих. Приобрела она его давно, еще в советские времена, и свято уверовала в то, что было написано в сопроводительной листовке. А там чего только не было! Так что Надежда в свое время тут же усомнилась в чу-

додейственной силе прибора и имела глупость намекнуть об этом матери, после чего выслушала ее гневный монолог и решила, что скоро мать и сама разочаруется в приборе. Но не получилось: мать утверждала, что «Биофон» помогает ей от болей в спине, суставах и еще много от чего.

В конце концов Сан Саныч, вспомнив про эффект плацебо, посоветовал Надежде оставить эту тему.

Так или иначе, злополучный «Биофон» исправно нес свою службу, мать берегла его и сокрушалась, что, если драгоценное устройство, не дай бог, сломается, заменить его будет нечем — завод, который выпускал эти приборы, давно закрылся. Незачем говорить, что свой незаменимый прибор она никому не давала и лишь однажды отступила от своих правил, дав попользоваться «Биофоном» матери Муськи Васильковой.

Все эти мысли пронесли в голове Надежды Николаевны за те полминуты, пока она завязывала шнурок на кроссовке. Но на Муське Васильковой мысли остановились, потому что Муська была такой личностью, что слов не хватит ее описать, так что Надежда только заскрипела зубами.

Итак, Надежда Николаевна опустила на колено, завязала шнурок и хотела было выпрямиться, но тут заметила мужчину, которого приняла за Муськиного знакомого, а вернее,

его жену. А может, и не жену вовсе... Впрочем, да какое ей до них дело!

Но все равно Надежде было ужасно неудобно: если он заметит ее, не дай бог, подумает, что она за ним следила или еще что-нибудь! В прошлый раз вон как нахамил. И вообще, они с женой показались Надежде очень странными...

Так или иначе, Надежда застыла в крайне неудобном положении, на одном колене, и постаралась не шуметь, надеясь, что мужчина скоро уйдет. А он тем временем разговаривал по телефону. Надежда не собиралась подслушивать чужой разговор, но это получилось нечаянно, само собой.

— Да... — голос мужчины был напряженный, взволнованный, беспокойный. — Да, конечно... можете не сомневаться, я сделал все, как мы договаривались... да, в точности как вы хотели... и непременно доведу до конца... конечно... и это тоже... само собой... я же сказал, можете не сомневаться...

Он еще немного послушал невидимого собеседника, а потом махнул рукой, резко развернулся и зашагал прочь.

Надежда немного подождала, выпрямилась и, переведя дыхание, пошла в прежнем направлении.

Проходя мимо старой, заброшенной могилы, она услышала характерный звук — негромкий сигнал, который издает мобильный телефон,

когда на него поступает сообщение. Надежда Николаевна опустила глаза и увидела на надгробной плите то, чего там не должно быть, а именно новенький мобильный телефон, экран которого светился.

Надежда остановилась, огляделась. Откуда здесь взялся этот телефон? Кто-то его забыл? И тут до нее дошло, что именно возле этой могилы только что стоял тот мужчина и разговаривал по мобильнику. Выходит, это он уронил телефон...

Надежда представила, сколько хлопот и сложностей связано с потерей телефона. В нем наверняка хранится много важной информации — телефонные номера, личные данные, приложения... нет, нужно догнать того человека и отдать ему телефон!

Фигура мужчины еще виднелась далеко впереди, среди кустов и надгробий.

Надежда забыла, как только что пряталась от этого человека, замахала руками и крикнула:

— Мужчина! Пойдите! Вы телефон потеряли!

Однако тот был слишком далеко и не слышал ее.

Надежда устремилась вслед, не сомневаясь, что без проблем его нагонит, и очень скоро увидела впереди кладбищенскую ограду с проделанной в ней дырой, через которую виднелась пустынная улица. Совсем близко по другую сторону ограды стоял тот самый мужчина —

видимо, ждал такси или маршрутку. Во всяком случае, он оглядывал улицу с характерным выражением напряженного, нетерпеливого ожидания, а потом взглянул на часы.

Надежда не стала окликать мужчину издали, надеясь, что успеет подойти к нему. Но вдруг из-за угла вывернула черная машина, стремительно подкатила к мужчине и резко затормозила. Он шагнул было к ней, но вдруг отчего-то попятился и бросился прочь, однако не успел сделать и двух шагов, как дверцы машины распахнулись, из нее выскочили два человека, схватили мужчину за руки и втащили в салон.

Вся эта сцена заняла не больше нескольких секунд.

Надежда не успела ни пикнуть, ни вздохнуть, она только стояла в растерянности за кованой кладбищенской оградой и смотрела вслед исчезающей машине.

Какое-то время Надежда Николаевна вообще не могла поверить, что такое произошло на самом деле: только что, среди белого дня, прямо у нее на глазах похитили человека. А в том, что это было похищение, она не сомневалась. Тот мужчина явно не хотел садиться в машину, он попытался убежать, но из этого ничего не вышло.

Осознав, что мужчину и правда похитили, Надежда стала думать, что она может сделать. По всему выходило, что ничего.

Машина похитителей умчалась в неизвестном направлении, полиции поблизости не наблюдалось... Конечно, можно было позвонить по известному всем номеру, но вряд ли там всерьез приняли бы сообщение Надежды. Скорее, подумали бы, что у дамы не все в порядке с головой. Сегодня и многие уже так посчитали, когда она разговаривала сама с собой и приставала к незнакомым людям.

После непродолжительного, но напряженного раздумья Надежда Николаевна поняла, что сегодняшней поход просто обязан был закончиться подобной неприятностью, поскольку идея исходила от Муськи Васильковой.

Муська Василькова была кошмаром Надеждиной жизни, и начался этот кошмар давным-давно, когда они жили в одном дворе. Надина и Муськина мамы дружили по-соседски и даже умудрились родить дочек в один день, так что их общение началось с гуляния в колясках, потом в детском саду, но в школу вместе девочки не пошли, потому что родители Надежды переехали. И хорошо, так как сидеть с Муськой за одной партой была бы мука мученическая. Дело в том, что Муська была фантастически глупа. Когда при рождении раздавали красоту и хороший характер, Муська всего получила достаточно, а вот ума и хоть каких-нибудь способностей ей не досталось. Очевидно,

там, наверху, посчитали, что и этого хватит, чтобы благополучно прожить жизнь.

Школу Муська все же закончила, потому что учителя относились к ней неплохо из-за покладистого характера, и почти сразу выскочила замуж. Родила дочку, но муж продержался лет пять, потом сказал, что больше не может ее терпеть и ушел. Однако денег давал вполне достаточно, так что Муська работала от случая к случаю — то приемщицей в химчистке, то кассиршей в кинотеатре, то регистратором в районной поликлинике.

Поначалу ее всюду брали охотно, привлеченные симпатичной внешностью (натуральная блондинка с голубыми глазами, приятной улыбкой и переливчатым смехом), но надолго она нигде не задерживалась. Больше двух месяцев Муська продержалась только в регистратуре, и то ей пришлось уволиться после того, как она послала больного вместо окулиста к гинекологу. Муська непрерывно путала документы и квитанции, неправильно писала фамилии и даты, и за кассой не проторговалась только потому, что кинотеатр был небольшой и заштатный и вскоре вообще благополучно закрылся.

Незаметно подросла дочка и, слава богу, пошла не в мать: закончила школу, потом институт, не с первого раза, но устроилась на хорошо оплачиваемую работу, а потом и вышла замуж за владельца фирмы. Зять Муську рас-

кусил сразу же, поэтому, не тратя времени даром, купил ей небольшую квартиру подальше от своей и выделил приличное содержание. Работать Муське не было нужды, поэтому она порывалась сидеть с внуками, но дочка была начеку и сразу же эти порывы пресекала. И Надежда очень ее понимала: доверить ребенка Муське ни одна мамаша в здравом уме не решится.

Поэтому Муська со страстью окунулась во всякие сомнительные мероприятия: посещала курсы самопознания, проверяла на себе всевозможные способы очищения и оздоровления организма, ходила на семинары разных коучей и так далее. Пробовала она приобщить к этому делу и Надежду, когда узнала, что та оставила работу, но из этого ничего не вышло. А с тех пор, как в прошлом году та же Муська Василькова исключительно по глупости втянула Надежду в опасную криминальную историю, Надежда дала себе слово держаться от этой гусыни подальше.

И надо же было такому случиться, что Надеждина мать изменила своему правилу и отдала ненаглядный «Биофон»... нет, не Муське, такого бы она уж точно никогда не сделала. Мать дала попользоваться бесценным прибором Муськиной мамаше Анне Петровне, с которой приятельствовала до сих пор. Анна Петровна пожаловалась на боли в плече — и вот, Надежде же пришлось взять ей этот чертов «Биофон».

В отличие от Муськи ее мать была женщиной вполне адекватной, так что ничто, как говорится, не предвещало грядущих неприятностей. Но они грянули, потому что Анна Петровна получила телеграмму о тяжелой болезни двоюродной сестры и тут же сорвалась к ней в Ростов-на-Дону. К счастью, все обошлось и сестру удачно прооперировали, но Анне Петровне пришлось с ней остаться на все лето, пока окрепнет.

Мать Надежды хватилась своего «Биофона» и потребовала, чтобы Надежда срочно его привезла. Сколько времени ушло на то, чтобы заставить Муську съездить на квартиру матери и найти прибор, Надежда Николаевна уже сбилась со счета. И вот наконец Муська радостно сообщила, что злополучный «Биофон» у нее.

Надежда удостоверилась, что это именно та коробочка, что Муська не прихватила вместо «Биофона» электрическую мясорубку или инфракрасную сушилку для ботинок, и малость расслабилась. Теперь оставалось только встретиться с Муськой, чтобы получить желаемое. Сейчас Надежда не могла себе простить, что не сорвалась с места тотчас после Муськиного звонка и не полетела к ней на такси, чтобы немедленно забрать этот трехклятый прибор.

Муська, конечно, тут же умотала на какие-то очередные занятия, потом Надежда уехала на дачу, потом она провожала мужа в команди-

ровку, а потом Муська вообще перестала отвечать на звонки и сообщения.

А мать звонила и жаловалась на боли в спине и на то, что у нее такая равнодушная и невнимательная дочь. В общем, на дачу без «Биофона» нечего было и соваться.

И вот буквально вчера Муська позвонила сама.

— Ну наконец-то! — обрадовалась Надежда. — Где тебя носило?

— Ой, Надя, долго рассказывать! — захлебывалась Муська. — Ты не поверишь!

— Тогда не надо! — предупредила Надежда. — Значит, жди, я к тебе сейчас приеду. Можешь чайник поставить.

— Ой, нет...

Далее выяснилось, что Муська в эту минуту находится на занятиях по управлению сновидениями и дома будет поздно.

— Но на завтра, Надя, у меня для тебя потрясающее предложение! — прокричала Муська.

— Может, не надо... — заныла Надежда, — ты же знаешь, что я не очень...

— Нет, ты слушай! Значит, завтра мы с тобой пойдем на подпольную экскурсию!

— Чего? По подвалам, что ли, шляться? Там крысы...

— При чем тут крысы! — возмутилась Муська. — Никаких крыс там нет. И это вовсе не подвалы.

— Тогда говори толком!

Далее выяснилось, что Муська записалась на неофициальную экскурсию в особняк купцов Клюквиных.

— Очень красивый дом! — стрекотала она. — Снаружи, конечно, выглядит как развалина, но внутри много всего сохранилось. Расписные патефоны...

— Что?

— Ах нет, не патефоны, а эти... плафоны. И резные двери, и такие люстры — закачаешься!

— А ты откуда знаешь?

— А мне одна знакомая про этот особняк рассказывала и фотки замечательные показала! В самом деле, Надежда, ты меня вечно упрекаешь, что я легкомысленная и ничем не интересуюсь, а когда представилась возможность повысить свой культурный уровень — так ты сразу в кусты!

Ответить на такое заявление Надежде было нечего, так что она неохотно согласилась пойти на экскурсию в особняк купцов Клюквиных, черт бы побрал их совсем. И заодно Муську с ее глупостью и безалаберностью.

И ведь знала же, что с Муськой связываться никак нельзя, все рано или поздно пойдет наперекосяк! Но выхода не было, нужно же получить этот проклятый «Биофон» и отвезти его матери.

— Значит, запоминай: завтра, в десять тридцать у метро «Василеостровская» будет стоять микроавтобус с надписью: «Экскурсия».

Ты подойдешь к этому автобусу и спросишь: «В особняк Черникиных?» Тьфу, не Черникиных, а Клюквиных! Они скажут: «Да» — и проверят твою фамилию по списку. Только кричать об этом не нужно, тихонько говори, чтобы посторонние не слышали.

— Почему такая секретность? — удивилась Надежда, которой все Муськины наставления напомнили походы за каким-нибудь дефицитом в советское время. Приходишь в магазин со служебного входа, стучишь условленным стуком и говоришь, что ты, к примеру, от Марии Ивановны. Или от Зои Павловны.

— Надежда, я на тебя просто удивляюсь! — бодро тархтела Муська. — Ведь сказала же тебе, что особняк этот для посетителей официально закрыт. И непонятно, кто хозяин. Так что экскурсии проводятся тайно. В частном порядке.

— А кому деньги идут? — спросила Надежда.

— Да там и деньги-то небольшие, вроде сто рублей всего. Или двести, на месте выясним. В общем, встречаемся в этом самом микроавтобусе в десять тридцать!

— «Биофон» только не забудь! — крикнула Надежда, но Муська уже отключилась.

Надежда Николаевна дала себе слово, что непременно позвонит ей завтра утром и напомнит про экскурсию, но утром она проспала, потом позвонил муж и поинтересовался здоровьем кота, так что Надежда долго юлила и оправды-

валась, что не навестила животное. «А вдруг ему там плохо? А вдруг у него депрессия?» После этих слов муж повесил трубку, а Надежда подумала, что коту на природе как раз очень хорошо, а вот ей плохо: мечется между двух огней, матери говорит одно, мужу — другое... Тут она посмотрела на часы, поняла, что опаздывает, и заметалась по квартире, собираясь.

В метро она пыталась позвонить Муське, но связи не было. Разволноваться по этому поводу Надежда не успела.

На небольшой площади перед метро «Васи-леостровская» было, как всегда, много народу. Играла музыка, золотились на солнце кони на памятнике конке, за ними под яркими зонтиками находилось уличное кафе.

Надежда прошла мимо, перешла проспект и увидела небольшой микроавтобус, на лобовом стекле которого от руки было написано: «Экс-курсия».

— Это в особняк Клюквиных? — спросила Надежда, робко потоптавшись рядом.

— Ага, — оживился незаметный дядечка с аккуратной лысиной, но с пышной седоватой бородой. — Ваша как фамилия?

Он раскрыл пухлый растрепанный блокнот и стал перелистывать страницы, слюнявя палец.

— Ага, сегодня у нас...

— Девятнадцатое августа, — подсказала Надежда.